

Анатолий Рыбаков

Лето в Сосняках

ФТМ

Анатолий Рыбаков
Лето в Сосняках

«ФТМ»

1964

Рыбаков А. Н.

Лето в Сосняках / А. Н. Рыбаков — «ФТМ», 1964

Действие романа происходит в 50-х годах на одном из крупных химических заводов страны, построенном еще в годы первой пятилетки. В центре романа – драматическая судьба аппаратчицы Лили Кузнецовой. Писатель остро ставит вопрос о моральной ответственности людей за свои поступки, о чести и достоинстве советского человека.

© Рыбаков А. Н., 1964

© ФТМ, 1964

Содержание

1	5
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анатолий Наумович Рыбаков

Лето в Сосняках

1

Коттеджи на крутом берегу реки были построены в тридцатых годах для немецких специалистов. Когда немцы уехали, в них поселились итээровцы. Но город строился в стороне от заводов. Овражная улица, в свое время первая улица Сосняков, оказалась, теперь его окраиной.

Кирпичные, неоштукатуренные домики с крутыми черепичными крышами и решетчатыми ставнями странно выглядели за штакетником провинциальных палисадников, среди чахлых огородов, спускавшихся к берегу по склонам широких оврагов. Справа виднелись массивы нового города, слева – химические заводы, покрытые рыже-желто-зелеными дымами, доносившими сюда запахи аммиака и хлора.

Как всегда в воскресенье, инженер Колчин работал в огороде с женой и дочерью. В стоптанных туфлях, застиранной пижамной куртке, молча копал землю. «При жизни не любил недоделанную работу и после смерти не хотел оставлять», – говорила потом соседям его жена. И поджимала губы, как человек, пусть и обиженный судьбой, но не нуждающийся в сочувствии людей.

Сели обедать в три часа. Колчин сосредоточенно жевал вставными челюстями, наклонив к тарелке лицо, схваченное розоватым старческим загаром. Обедали на кухне, в чаду и запахах плиты, ели медленно и много: им предстояло еще полдня тяжелого труда.

Подымаясь из-за стола, Колчин сказал:

– Идите, приду, – и ушел в комнаты.

Солнце садилось, высветляя оранжевым золотом березовые рощи и перелески на другом берегу реки. На этом берегу растительности не было. Газовые отходы заводов истребили сосновые леса, в свое время давшие название городу. На смену лесам пришли пески. Желтые, однообразные, они тянулись между городом и заводами.

Прошло, наверное, с полчаса. Колчин не выходил.

– Не идет...

Ирина не ответила матери. Не замечала отсутствия отца, как старалась не замечать его присутствия.

Они продолжали копать молча. Эта узкая полоска давала немного овощей, ценных в войну, но сейчас выращиваемых по привычке. Перевернутая лопатой земля ложилась на грядках толстыми, нерассыпающимися пластами.

Мать выпрямилась, воткнула лопату в землю, подолом фартука вытерла лицо и пошла в дом.

В большой комнате мужа не было. Не оказалось его и в спальне. Она подошла к крутой деревянной лестнице, ведущей на чердак, где Колчин отгородил себе каморку.

– Корней!

Голос ее тревожно прозвучал в тишине пустого дома. Никто не ответил. Она вернулась на крыльцо.

– Ирина!

Та подошла, вытирая руки о передник.

– Зайди в дом! – сказала мать тихо, подчиняясь годами выработанному правилу: «Чтобы люди не слышали».

Наступив на скребок, Ирина очистила прилипшую к подошвам грязь, сняла ботинки и осталась в плотных шерстяных носках.

– Отца-то нет. Думала, на чердаке, окликала – не отвечает. Слезай, посмотри, – прошептала мать.

– Чего лезть?! Был бы там – отозвался.

– Слезай, посмотри! – повторяла старуха, подталкивая Ирину к лестнице.

Боком, осторожно переставляя ноги на узких ступенях, Ирина поднялась по лестнице, открыла дверь, поднялась еще выше и исчезла на чердаке. Старуха услышала над собой осторожное, глухое шуршание шлака.

– Белье там, смотри!

На чердаке все смолкло. Потом опять послышалось шуршание шлака. И вдруг из люка свесилось горящее лицо Ирины:

– Иди сюда... Иди сюда... Отравился...

Колчин отравился дихлорэтаном – бесцветной жидкостью с резким сладковатым запахом. Смертельная ее доза – двадцать граммов. Мгновенно обезжиривает и парализует пищеварительный тракт. Спасения нет. Но умирает человек только на третьи, на четвертые, а то и на седьмые сутки. Инженер Колчин знал это лучше других. И все же он принял дихлорэтан и обрек себя на медленную, мучительную смерть.

Перед тем как принять яд, Колчин снял белье, висевшее на чердаке, аккуратно сложил его, смотал веревки, собрал в связку прищепки и повесил их на гвоздик, на котором они висели всегда. Сделал он это для того, чтобы не порвали веревки, не растеряли прищепки и не попортили белье в суматохе, которая произойдет, когда будут пронести его по низкому, тесному и темному чердаку.

Заводская больница, где лежал Колчин, находилась в восьми километрах от завода, в сосновом бору, не тронутом строителями и устоявшем перед химиками. Только иглы сосен были здесь желтыми. Разноцветные изделия из синтетических смол придавали больнице праздничную красочность и яркость.

Заведующий больницей Лев Абрамович Чернин сказал Ирине:

– Делаем все возможное. Хотите, перевезем его в городскую больницу?

Ирина знала, что положение отца безнадежно. Хотела даже сказать, что не надо вливать ему глюкозу, зачем зря мучить. Но сказала только:

– Что вы, Лев Абрамович, неужели мы вам не доверяем?!

Колчин лежал за занавеской в процедурной, равнодушный к врачу, задававшему ему ненужные вопросы, к сестрам, вводившим в брюшину шприц с бесполезной глюкозой, к нянкам, спорившим о недостающей простыне, к жене и дочери, томившимся возле него в бездействии – бессильные ему помочь. Его сморщенная, пронзительно-желтая кожа повисла на костях, глаза были полузакрыты, он был не в силах поднять веки. Иногда он бредил сквозь зубы, про себя, не двигаясь. Но ни разу не обмолвился словом о том, что побудило его выпить дихлорэтан.

Чернин был опытный врач. Так много видел он смертей, что, подходя к больному, мог сказать, умрет он или нет. И Чернин знал, что Колчин ничего не скажет, ибо уже не думает о тех, кто остается жить.

Однако на третьи сутки, не шевелясь и не открывая глаз, Колчин вдруг отчетливо проговорил:

– Кузнецова... Пусть придет.

В смену аппаратчицы Кузнецовой Колчин налил в пробирку дихлорэтан.

Чернин позвонил на завод. Через сорок минут директорская легковая машина подкатила к крыльцу больницы.

Выздоровливающие больные, гревшиеся на сияющем и радостном майском солнце, уставились на Кузнецову с любопытством людей, истомленных однообразием больничной жизни.

Лиля Кузнецова была молода и красива. И шофер директора Костя, демобилизованный моряк, тоже был молодой, здоровый парень. Шипение шин по мокрому асфальту, хлопанье дверок кабины, сверкание стекла и металла машины – все это нарушило монотонную тишину больницы, одиноко стоящей в лесу среди сосен, желтых игол и весенних неподвижных луж на накапанной дороге.

– Подошел к столику и налил. Странно! Я и подумать ничего не могла. Дихлорэтан! Им и девчонки не травятся, – говорила Лиля и косила маленьким пухлым ртом, презрительно щурила голубые глаза. В грубой суконной куртке, защитной одежде химика, она стояла, прислонясь к перилам крыльца, – стройная женщина с нежным лицом и падающими на лоб прядями белокурых волос.

Больные были – как все больные: чужие болезни были поводом поговорить о своих. Но перед ними стояла молодая красивая женщина. Ею свободно могут любоваться даже они, бледные, небритые мужчины в матрацных пижамах, громадных шлепанцах и безобразных больничных халатах. И они продолжали обсуждать самоубийство, разговоры о котором занимали их третьи сутки.

- Прищепки и те собрал. О чем заботился человек перед смертью?
- Хладнокровный, значит.
- Чего надо было? При такой должности, в годах, дом собственный. Комедия.
- Затоскуешь, так и дом не нужен.
- Дом не нужен – прищепки нужны?
- Может, болел чем?
- Смерть найдет причину.

Припадая на протез, доктор Чернин вышел на крыльцо:

– Пойдемте, Кузнецова!

Лиля пошла за доктором, растерянно и неловко пытаясь удержать на плечах поданный ей няней белый халат, слишком узкий для толстой суконной куртки, которую она не догадалась снять, как не догадалась завязать на шее белые тесемки халата.

Только у постели Колчина она почувствовала, что тесемки болтаются у нее на груди. Она не завязала их, и держала крест-накрест, постепенно натягивая, и смотрела в лицо Колчину.

- Кузнецова к вам пришла, Кузнецова, – наклонясь к Колчину, громко повторял Чернин. Колчин ничего не сказал, не пошевелился.
- Кузнецова к вам пришла, Кузнецова!
- У Колчина дрогнули ресницы.
- Кузнецова к вам пришла, Кузнецова.

Колчин поднял веки. Жалкая улыбка мелькнула в его остекленевших глазах, исказила мертвое лицо – узнал Лилю. И тут же задергался, забормотал непонятное, негодующее, жалобное. И затих.

Лиля вышла в процедурную, скинула халат, сбросила на стул суконную куртку, вымыла под краном руки, вытерла их краем салфетки. Потом подошла к зеркалу, тронула прическу, поправила воротник тонкого черного свитера. В ее лице сквозило равнодушие к больнице, к процедурной, ко всему, что здесь есть. Но в каждом ее движении было такое утверждение своей красоты, что и медсестра и няньки смотрели на нее с восхищением. А они были простые краснощекие девушки и гордились своей работой в больнице.

Вошел доктор Чернин, посмотрел на Лилю из-под лохматых бровей:

- Кузнецова, идите! Вас машина ждет.
- Иду.
- Идите, а то он уедет.
- Иду.

Она сошла с крыльца и увидела, что шофер Костя машет ей. Она обернулась, посмотрела на больницу и, уже больше не оглядываясь, пошла к машине.

2

По делу о самоубийстве Колчина в Сосняки приехал руководящий работник областного управления Евгений Федорович Лапин.

Он шел по улице – высокий, сутуловатый человек с широкой грудью и сильными плечами. Лиля обещала прийти в семь, и Лапин торопился все приготовить к ее приходу. Он купил коньяк, сухое вино, разных конфет и закусок. Эти хорошо знакомые магазины, улицы, дома существовали для него как воспоминание о Лиле. Люди вокруг не были знакомы ему каждый в отдельности – знаком был лик толпы. Его волновало то, что раньше казалось скучным, провинциальным, от чего он стремился уехать и уехал: восьмизэтажные дома рядом с магазинами райпотребсоюза, дворец культуры рядом со столовой, называемой диетической, потому что водку в ней не продавали, ее приносили с собой, аляповатые афиши цыганского ансамбля Чувашской филармонии на легком павильоне междугородной автобусной станции. Новейшая техника воевала здесь с провинциальными вкусами, заводская инициатива – с местным бюджетом. История такого города не отягощена памятниками старины, реликвиями, легендами, преданиями – тем ошутимее здесь все живое и существующее.

Ровно в семь Лилия, улыбаясь, вошла в номер.

Снимая с нее пальто, Лапин прикоснулся к старенькому знакомому габардину. Он хотел поцеловать Лилию. Но она, улыбаясь, отстранилась от него. На ней был тонкий черный свитер, этого свитера у нее раньше не было. Короткие белокурые пряди закрывали бледный лоб – особая бледность химика, которую Лапин не замечал, когда работал на заводе, но которая бросилась ему в глаза теперь, после нескольких лет жизни вдали от дымов, газов и запахов химического производства.

Он взял ее руки в свои. Они стояли, смотрели друг на друга и улыбались. Лапин был растроган встречей; прошлое ожило в тесном номере провинциальной гостиницы. Он рад ее видеть как человека, с которым у него связано так много, как друга, который ему дорог всегда.

– Ты изменила прическу.

– Изменила.

Почему он не женился на ней? Красивая, молодая. Он старше ее почти на двадцать лет. И все же она любила его.

Почему он все-таки не женился? Чего испугался? Развода с женой? Осуждения взрослых сыновей? Или берег свободу, на которую имеет право, живя со старой и нелюбимой, и которую потерял бы, живя с любимой и молодой?

Она почти не ела, крошила хлеб – жест, который раздражал его в других, но казался милым у нее.

– Твой шофер застал меня на старой квартире совеем случайно, – говорила Лилия. – Ведь я получила новую квартиру, отдельную. И телефон есть. На наш дом дали всего два телефона. Я пошла к председателю горсовета. А он: нету телефонов, зачем вам телефон? Я и брякнула: личной жизни нет, вот зачем! И знаешь, поставил.

– Поставил и звонит, – рассмеялся Лапин.

– Это в домах народной стройки, – продолжала Лилия, – пришлось поработать. Куда пошлют... Таскала раствор, убирала мусор, бревна ворочала. Неквалифицированная сила. Такие морозы были!

Лапин посмотрел на ее пальцы. «Бревна ворочала».

– Тебе могли бы и так дать.

– Нет! – сразу нахмурилась Лилия.

Он поднял рюмку в знак того, что понимает все. Сочувственно помолчал. Потом спросил:

– Как дочурка?

– Ей уже три года.

– Неужели, – удивился Лапин, – впрочем, да, сейчас уже пятьдесят шестой год, правильно...

Лиля курила, задерживая и медленно выпуская дым.

Он взял ее руку, погладил тоненькие, чуть шершавые пальцы. Он не почувствовал в них тепла, но она и не отняла руки. Он притянул Лилю к себе и поцеловал в холодные, вычерченные губы.

– Подожди, Женя.

Лиля встала, поправила прическу, подошла к окну.

– Ты по делу Колчина приехал?

– Да.

– Он в мою смену взял. Потом вызывал в больницу.

– Да? Что он тебе сказал?

– Ничего не сказал.

– Тебя это беспокоит?

– Что же мне, пробирки в карман прятать?

– Ты его знала раньше?

– Он бывал у нас, вернее, у Фаины. Давно, в войну, я маленькая была. Они с Фаиной на заводе с самого начала. Придет, сядет, смотрит на меня. А потом перестал ходить. Последние годы я только на заводе его видела.

Внушительно, чтобы избавить ее от беспокойства, Лапин сказал:

– Дело у меня, вот смотри.

Он вынул из портфеля папку, перелистал.

– О тебе даже не упоминается. Не в том дело, где взял яд, а в том, *почему* принял. Разговор идет о начальнике двенадцатого цеха Миронове. Ты, кажется, знаешь его?

Лиля утвердительно кивнула головой.

– Идут разговоры, – продолжал Лапин, – будто между Мироновым и Колчиным были трения и всякое такое, что всегда придумывают, когда происходит подобный случай.

Лиля усмехнулась:

– Что же, он из-за этого отравился?

– Конечно нет. Но Богатырев на завод не вернется, в директора прочат Миронова, а тут такое кляузное дело. Кое-кому Миронов поперек дороги. Талант – бездарность, вечная проблема. Но ты за своего Миронова не беспокойся.

– Почему «своего»?

– Ты что-то рассказывала... Учились вместе?

– Учились, – сдержанно ответила Лиля.

Лапин взял ее за локти:

– Ты не уйдешь?

– Нет, Женя. Я не могу.

Он притянул ее к себе.

– Мне будет очень жаль, если мы просто так расстанемся.

– А ты со мной *просто* так не можешь? За кого ты меня считаешь?

– Лиля! Как ты можешь так говорить?!

– Вот и хорошо... Давай лучше допьем. – Она присела на ручку кресла, взяла в руки бутылку. – Что за вино? Номер семь... Аппетитное название...

– Ты изменилась, Лиля.

– Ты находишь?

– У тебя усталый вид, тебе не тяжело работать на аппарате?

– Хочешь мне другую работу предложить?

– Это можно было бы сделать.

– А зачем?

– Полегче, почище...

– Все в порядке: работа меня устраивает. И ведь других талантов у меня нет. Есть у меня ребенок, работа есть, свой дом... Хорошо иметь *свою* теплую постель! Теплую постель и крышу над головой. Некуда приклонить голову, что может быть ужаснее? Ходишь, ходишь... – Она вдруг откинулась на спинку кресла, глаза ее заблестели. – И все же я бы все отдала за Москву. Такая она широкая, необъятная, так пахнет весной асфальт. Посидеть в «Национале», прошвырнуться по улице Горького, по Столешникову, Петровке, заглянуть к девчатам – все бы отдала, честное слово!

– Москва – это хорошо, – согласился Лапин. – Впрочем, всюду можно жить, все зависит от человека. Есть любимое дело, приятные и интересные люди...

– В кино еще можно ходить, на базар за огурцами, на поезде кататься, на трамвае?.. Что мне дали Сосняки? Глупое замужество, глупый роман с тобой, – она усмехнулась, – под репродуктор...

– Какой репродуктор? О чем ты говоришь?

Она насмешливо смотрела на него.

– Он висел в комнате твоего друга, помнишь? Ты включал его... Он хрипел, этот репродуктор, его хрип до сих пор у меня в ушах. Ты ведь всего боялся. А *потом* ты смотрелся в зеркало, все ли у тебя в порядке. А о том, что это меня унижает, ты не думал, лишь бы тебе было хорошо. Сознайся, Женечка, правда ведь: обо мне ты думал меньше всего...

– Ну, знаешь, – обиделся Лапин.

– Ладно, ладно, – она примирительно положила свою руку на его, – ведь мы не для ссоры встретились... Я просто так сказала, не огорчайся. Ты еще не самое страшное...

Лапин поклонился:

– Спасибо.

– Правда, Женя, я не хотела тебя обидеть. Но... Я, наверно, не смогу тебе объяснить... Сейчас столько надежд... А какие мои надежды? Меня так закручивали и раскручивали. Что мне остается? Воспитывать Сонечку? Да, наверно...

– Ну, ну, – сказал Лапин, – у тебя все впереди. Только надо надеяться на себя.

Она пристально посмотрела на него:

– Ты так думаешь?

– Я не пророк и не провидец, – ответил Лапин.

Некоторое время она молчала, думала. Потом посмотрела на Лапина, улыбнулась:

– Трусишка ты все-таки, Женя...

3

Утром Лапина разбудил громкий разговор уборщиц в гостиничном коридоре. Он проснулся непривычно рано, и настроение его, испорченное неудачным свиданием с Лилей, испортилось окончательно. В довершение всего буфет оказался закрыт: буфетчица уехала за продуктами. Лапину хотелось курить, но первую папиросу он курил только после своего первого утреннего стакана чаю. А чая не было.

В этом не слишком приятном расположении духа подъезжал Лапин к заводу. Почти сразу за городом потянулись гигантские корпуса, цехи, колонны, башни, колоссальные цистерны, тысячекубовые газгольдеры. Вдоль дороги на многие километры высились на бетонных опорах широкие подвесные трубопроводы, по ним днем и ночью текли хлор и этилен – главные *нитки*, коммуникации завода. По реке двигались караваны барж, по берегу – железнодорожные составы с нефтью, солью, серным колчеданом, фосфатными и калийными рудами.

Дело, по которому Лапин приехал в Сосняки, было для него ясным. Виновен или невинновен Миронов в смерти Колчина – решит следствие. Есть в кодексе пункт об ответственности за «доведение до самоубийства путем жестокого обращения или унижения личного достоинства» – так или приблизительно так это сформулировано и карается сроком до пяти лет. Прокуратура, вероятно, дело прекратит, никаких доказательств виновности Миронова нет. Однако в связи с этим делом создана обстановка, исключающая выдвижение Миронова на пост директора завода, и становится реальной вторая кандидатура – нынешнего заместителя директора завода Коршунова. С Коршуновым сейчас и должен встретиться Лапин, и при мысли об этой встрече он испытывал душевное неудобство и жалел, что согласился поехать в Сосняки. Хотелось повидать Лилю. Вот и повидал...

Лапин никогда не поднимался выше должности начальника отдела в управлении, Коршунов же совсем недавно был одним из руководящих работников министерства. Но они начинали вместе и сохранили на протяжении двадцати лет хорошие отношения. *Ничего плохого* Коршунов ему не сделал, а мог бы сделать, если бы захотел. Они были даже на «ты». Впрочем, тогда Коршунов был со всеми на «ты», включая и тех, кто с ним был на «вы».

Теперь Коршунов – всего лишь исполняющий обязанности директора завода. Все понятно. И все же он человек в беде. Коршунов приехал сюда в расчете заменить уходящего на пенсию Богатырева, как вдруг возникла кандидатура Миронова. Возникла законно – Миронов талантливый инженер, прекрасный организатор. Симпатии Лапина на стороне Миронова, но в этой ситуации он должен остаться нейтральным. Ввязавшись в историю, он уже нейтральным остаться не сможет.

На лице Коршунова застыло скорбно-надменное выражение человека, чуть ли не из министров попавшего в заместители директора завода. Тонкие, плотно сжатые губы придавали этому нахмуренному лицу властность. Коршунов опустил в кресло, движением руки пригласил сесть Лапина.

Лапин сел, положил на стол папку с делом Колчина.

Коршунов кивнул на папку:

– Ну как?

– Видишь ли, – сказал Лапин, – допустим, между Мироновым и Колчиным были трения, хотя при тех опытных работах, что ведет Миронов, трения неизбежны: Миронов – человек молодой и требовательный, Колчин был стар и апатичен. Условия, в которых идут опытные работы, исключительно тяжелые, ты сам знаешь. Но спрашивается: какая связь между этими трениями и смертью Колчина? Миронов хотел его прогнать? Оскорблял? Третировал? Мы не располагаем такими данными. И знаешь, трудно предположить, что инженер шестидесяти

лет, всю жизнь проработавший на заводе, покончил с собой потому, что повздорил со своим начальником.

– Я думаю, ты прав, – сказал Коршунов, – это дело следственных органов – пусть разбираются.

Лапин облегченно вздохнул. Каков бы ни был Коршунов, он не пойдет на такую мелкую и неблагоприятную интригу.

– Но понимаешь, Женя, – Коршунов тщательно заправил в рукава манжеты, – есть и другая сторона дела – административная сторона, общественная, она-то меня и беспокоит.

– Что ты имеешь в виду?

– Самоубийство все же произошло, – значительно проговорил Коршунов, – и произошло оно в двенадцатом цехе. Трения между Мироновым и Колчиным все же были. Сигнал это? И между прочим, не единственный. Есть жалобы людей, ушедших из цеха, есть жалобы людей, продолжающих работать в цехе. И я хочу знать: все ли в цехе благополучно?

– Кто тебе мешает? Выясняй.

– Нет, – возразил Коршунов, – я здесь человек новый, а Миронов – ведущий работник завода, создатель ударопрочного полизола, в недалеком будущем создатель сактама. Не я, а управление должно проверить цех.

Расчет Коршунова был ясен: пока идет проверка цеха, кандидатура Миронова на директорство опадает.

– Ты хочешь, чтобы я засел на полгода на заводе? – насмешливо спросил Лапин.

– Нет. Я хочу, чтобы управление назначило комиссию.

– Вряд ли такая комиссия поможет Миронову запустить установку сактама. Тебе так не кажется?

– Женя, не в сактаме дело. Ты имеешь в виду совсем другое.

– И это.

– Я отвожу его кандидатуру?

– Похоже.

– Так вот что я тебе скажу... Миронов завода не потянет. Я ему отдаю должное как открывателю, изобретателю, новатору, не знаю, какие еще эпитеты подобрать. Но директор предприятия должен уметь *управлять*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.